

УДК 330(476)(091)

В. А. Акулич, канд. экон. наук, доцент,
ст. науч. сотрудник, Институт экономики НАН Беларуси

РАЗВИТИЕ В БЕЛАРУСИ ОТРАСЛЕВОЙ НАУКИ – ЭКОНОМИКИ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА (1945–1964 ГГ.)

We cover the history of the formation and development branch of science forestry economy in Belarus during the years 1945–1964. In 40-50-ies twentieth century, in terms of research methodology and results achieved, economic development of forest science splits into two roughly equal to length of period – 1945-1956's. and 1956-1964's. The first two post-war decades became continuation of tradition of Stalin's methodological 1930-ies. But on the eve of 1960-ies occurred surge in development of economic theory in general and forest economics in particular, the type that took place during period of NEP in 1920-ies. Since 1960-ies gradually began to increase the authority and influence of this branch of science in economic development of forestry in Belarus.

Введение. Как и в других отраслевых экономических науках, в 40–50-е гг. XX в. в качестве альтернативы так называемой буржуазной теории лесного хозяйства продолжалась разработка теории лесного хозяйства, пригодной для условий социализма. Принцип постоянства, равномерности и неистощимости использования лесов при капитализме был заменен принципом планового руководства и непрерывного роста производительности лесов при социализме. По мнению одного из основателей данной отраслевой экономической науки академика Вячеслава Перехода, принципиальное отличие социалистического лесного хозяйства от капиталистического состоит в том, что «основной целью его является не получение ренты и промышленной прибыли, а производство лесной продукции и использование полезных свойств леса – в интересах развития производительных сил СССР и удовлетворение плановых потребностей в древесине и других продуктах леса» [7, 10].

Основная часть. В этой связи перед учеными-экономистами того времени была поставлена задача разработать такую теорию социалистического лесного хозяйства, которая позволяла бы создавать новые искусственные и высокопродуктивные леса, которых никогда не в силах была создать сама природа. Общий материалистический принцип марксизма по отношению к отрасли лесного хозяйства был конкретизирован через призму мичуринской биологической теории. Согласно новому принципу, лес рассматривался уже не как продукт природы, а как продукт деятельности человека и, соответственно, считалось, что сколько данного продукта будет необходимо произвести, скажем, в целях осуществления индустриализации экономики, столько его и будет произведено. По признанию самих экономистов того времени, например доктора наук И. Юркевича, новое социалистическое учение о лесе нужно было не для того, чтобы подражать природе, а для того, чтобы путем активного воздействия изменять типы лесов и увеличивать их производительность [15, 3]. Для научных работ 40-х и начала 50-х гг. характерны такие выражения, как «сталинский план преобразования природы», «лес – необходимый компонент мичуринского преобразования природы».

На практике социалистические принципы ведения лесного хозяйства в Беларуси, особенно в период культа личности Сталина (1930–1954 гг.), приводили к многократному превышению (в 2–3 раза) и без того высоких норм вырубki леса. Лес рассматривался в качестве сырьевой базы для развития главных отраслей промышленности (если в довоенное десятилетие приоритетом была тяжелая промышленность, то в послевоенное время – химическая промышленность). Считалось, что развитие лесного хозяйства должно быть подчинено интересам всего народного хозяйства. Как точно заметил современный экономист А. Янушко, который уже имел работы в исследуемый послевоенный период, «это был период бездумного истребления белорусских лесов во имя союзных интересов и «светлого будущего» [16, 53]. При этом поднимать проблему истощения лесов было запрещено, так как считалось, что новые леса, выращиваемые в условиях социалистического лесного хозяйства, будут обладать большей производительностью, чем предыдущие, и поэтому их удастся быстрее восстанавливать. В работах белорусских лесо-экономистов указывались огромные объемы

восстановленных лесов в СССР и сообщалось об их полном уничтожении, например, в Англии (и то и другое было преувеличением). Истинные же масштабы и время вырубки лесов в своей республике тщательно скрывались. Например, падение лесистости и ухудшение состава лесов в Беларуси на страницах союзной печати объяснялось только лишь «хищническими вырубками в дореволюционное время и уничтожением лесов оккупантами во время двух войн» [8, 44].

После падения культа личности Сталина приобретенная в результате так называемой хрущевской оттепели свобода носила в науке ограниченный характер. Сохранились обязательные ссылки на классиков марксизма-ленинизма, постановления партии и пленумов, установка на критику буржуазных экономистов. Тем не менее со второй половины 50-х гг. XX в. направления исследований по экономике лесного хозяйства значительно изменились. Фактически здесь произошел возврат к методологической традиции 20-х гг., что видно по содержанию новой исследовательской программы, которую в 1958 г. предложил сообществу лесозащитников академик В. Переход [12, 30]. Ученый обращал внимание, что экономическое учение о лесе нуждается в дальнейшей разработке, особенно в части экономической характеристики лесных районов. Новая программа, помимо экономики лесоводства, предполагала дальнейшее развитие таких важных дисциплин, как экономическая география лесов, история лесного хозяйства и лесная статистика. Потому что, как считал В. Переход, экономическое изучение лесов должно основываться на накоплении огромного экономико-географического и статистического материала [13, 12].

Следует признать, что в целом очерченная В. Переходом предметная область в каждый из периодов нашла подтверждение в виде соответствующих разработок. Так, в первое послевоенное десятилетие большое количество работ было посвящено типологии, районированию и производительности белорусских лесов. Кроме уже упомянутых работ Юркевича (1948) и Перехода (1952), посвященных вопросам типологии и классификации белорусских лесов, следует назвать две другие характерные для того времени коллективные монографии с однотипным названием «Леса БССР» [4], [5]. Первая из них (1954) была посвящена проблемам районирования, а вторая (1955) – общей характеристике и типологии белорусских лесов. Во второе послевоенное десятилетие перечень исследуемых проблем значительно расширился. Появились работы лесозащитников по проблемам рационального использования лесосырьевых ресурсов, определения стоимости леса; возобновились исследования по истории дореволюционного лесного хозяйства, по экономической географии

лесов. После падения культа личности Сталина появилась возможность более свободного трактования классиков марксизма-ленинизма, что позволило лесозащитникам подойти к решению реальных проблем развития лесного хозяйства и к разработке соответствующих рекомендаций, прикрываясь при этом, как и прежде, учением марксизма-ленинизма о лесе.

Появление новых веяний в научной среде можно показать на примере отношения лесозащитников к решению двух важных проблем – размещению лесохозяйственных производств и определению стоимости выращенного леса, которое было до и стало после середины 50-х гг. XX в.

Сразу после войны, как и в 1930-е гг., считалось, что размещение лесохозяйственных производств должно осуществляться на основе интегрального признака, каким является взаимосвязь леса с окружающим хозяйством (так, в частности, считал В. Переход [7, 23]). Важно при этом то, что такие факторы размещения, как наличие дорог, рабочей силы, сооружений, зданий, жилья, энергии, принято было учитывать просто как транспортно-эксплуатационные условия того или иного лесного массива. К примеру, в этот период жесткой критике подвергалась теория штандорта А. Вебера [7, 26], которая как раз и предполагала ориентацию при размещении производства на такие факторы, как транспорт, рабочая сила и наличие инфраструктуры. Считалось, что в рамках системы централизованного планирования, если возникнет необходимость, все это будет сделано (проложены дороги, переселены люди, создана инфраструктура). Что касается удаленности рынка сбыта, то здесь также утверждалось, что социалистическое лесное хозяйство должно быть связано не с рынком, как это имеет место в капиталистической системе, а с отдельными отраслями народного хозяйства. Со второй половины 50-х гг. в публикациях лесозащитников заметны значительные подвижки во взглядах по этому вопросу. В 1958 г. тот же академик Переход уже считал, что главным фактором при размещении лесохозяйственных производств должен выступать географический признак [12, 3]. По его мнению, в лесном хозяйстве необходимо строго дифференцировать работу не только во времени, но и в пространстве, а также в полной мере учитывать пространственные различия среды (*примеч.* стоит заметить, что в современной экономической науке теория размещения, одним из основоположников которой считается А. Вебер, так и называется – пространственная экономическая теория). Характерно также то, что в 1959 г. другой лесозащитник К. Маркова выступала против перебрасывания деревообрабатывающих предприятий в лесозащитные районы республики, также ссылаясь на экономические

факторы размещения в русле веберовской теории. В частности, она указала на то, что для работников в этой отрасли уже созданы соответствующие жилищно-бытовые и культурные условия и связано это с большими капитальными затратами [6, 96].

Второй пример приведем с определением стоимости леса. Известно, что экономическое учение К. Маркса о лесе в этом вопросе входило в противоречие с некоторыми практическими вопросами организации и ведения лесного хозяйства в условиях социализма. В частности, К. Маркс считал, что возобновление леса происходит естественным путем, не требуя приложения сил человека и капитала (а если и требует, то не в соразмерных соотношениях с силами природы), и поэтому лес на корню стоимости не имеет (*примеч.* точнее, он имеет лишь потенциальную потребительную стоимость). После войны так и было: лес на корню отпускался бесплатно. Такой подход ставил под угрозу развитие всей отрасли лесного хозяйства. Тем более, что за организованными в Беларуси в начале 30-х гг. XX ст. лесхозами после войны (с 1947 г.) были закреплены главные функции – это как раз выращивание и сбережение леса (согласно А. Д. Янушко, с 1929 г. лесозаготовки в рамках лесничеств запрещались). На выполнение этих задач они несли определенные затраты, которые не учитывались в себестоимости переработанной древесины. Перед экономистами стояла задача как-то адаптировать учение К. Маркса к хозяйственной практике. В сталинские времена это сделать было практически невозможно. В частности, В. Переход в 1955 г. отмечал по этому вопросу следующее: «К. Маркс имел в виду дикорастущие леса естественного происхождения. Таких лесов действительно большинство. Например, в Беларуси леса искусственного происхождения составляют всего 10,7%. Поэтому, как учил К. Маркс, лес имеет лишь потенциальную потребительную стоимость» [10, 5]. После падения культа личности В. Переход в 1960 г., это же положение из учения К. Маркса о лесе нашел возможным интерпретировать уже иначе: «Конечно, при отсутствии эксплуатации лесов, труда на единицу площади затрачивается настолько мало, что фактически древесина не имеет стоимости, являясь лишь природным ресурсом (например, резервные леса в ненаселенных зонах). Однако это уже исключение. Фактически всюду, лес на корню имеет потребительную стоимость и стоимость» [13, 9]. В итоге, в преломлении на практическую плоскость, В. Переход отметил, что на территории Беларуси уже практически не осталось дикорастущих лесов, а все они выращиваются и сохраняются работниками отрасли, которые несут при этом конкретные производственные затраты труда (от посадки молодых деревьев до охраны лесов от пожаров). И что суммой этих

затрат и следует определять стоимость леса на корню [13, 9]. Таким образом, можно было бы подумать, что всего за пять лет академик В. Переход диаметрально поменял свое понимание ключевого положения в учении К. Маркса о лесе. Если бы не то обстоятельство, что понимание этого положения «вдруг» изменилось у большинства экономистов.

Надо отметить, что еще раньше Ф. Костюкович принял участие в дискуссии, развернувшейся на страницах союзной периодической печати, по вопросу экономического содержания доходов лесного хозяйства при социализме [2, 81]. В этой связи представляет интерес предложенная им методика расчета стоимости леса [3, 14]. В ней выращенный и стоящий на корню лес ученый-экономист предлагает считать как произведенную валовую продукцию. При этом, по его мнению, «стоимостную оценку валовой продукции лесного хозяйства должны составлять совокупные затраты труда, тогда как при современном учете валовой продукции, в условиях Беларуси, более половины ее остается вне учета, что преуменьшает результаты деятельности отрасли лесного хозяйства». Стоит отметить, что в условиях хозяйствования того времени, когда цены, по которым реализовывался лес, не покрывали реальных затрат на его производство, появление такого предложения выглядело вполне обоснованным, несмотря на то, что с точки зрения рыночной экономики оно противоречит здравому смыслу.

В послевоенный период, во многом благодаря трудам местных ученых-экономистов, удалось приостановить необдуманную вырубку белорусских лесов (имевшую место в довоенное десятилетие), обосновать необходимость ввоза древесины из более лесистых районов Советского Союза, повысить в республике уровень организации лесного хозяйства и навести элементарный порядок в использовании лесных ресурсов. Примечательна здесь работа К. Марковой об эффективности использования лесосырьевых ресурсов в Беларуси. Ссылаясь на союзную статистику, она доводила до сведения, что в середине 50-х гг. в Беларуси фактическая рубка леса превышала запланированную в 1,6 раза, в то время как в самых лесистых северных районах Советского Союза она составляла 30%, а в остальных районах не достигала до запланированных пятилетних норм (в районах Центра составляла 92,8%, в районах Поволжья – 91%). В каждом четвертом лесхозе Беларуси рубка в 1956 г. превышала расчетную лесосеку в 2–3 раза. Чтобы избежать тяжелых последствий для лесного хозяйства Беларуси, К. Маркова считала, что будет рациональным прекратить вывоз древесины за пределы республики и, наоборот, начать ее ввоз из более лесистых районов Советского Союза [6, 99]. Затронула она и проблему низкой

эффективности использования лесосырьевых ресурсов. По ее расчетам, при рубке деревьев только верхушки (не считая сучьев, пней и коры), которые в основном подвергались утилизации, составляли 15% древесного сырья. Далее, на этапе деревообработки, в среднем 30% древесины уходило в отходы, а при изготовлении стройдеталей еще столько же. Таким образом, от момента начала добычи древесины до изготовления готовых изделий из дерева порядка половины древесного сырья уходило в отходы; причем далеко не все эти отходы использовались для нужд других отраслей народного хозяйства.

Например, другой ученый-экономист, Ф. Костюкович, известный своими работами еще в довоенные годы, в своем исследовании, специально посвященном данному вопросу, также отстаивал позицию, что созданный трудом работников лес имеет стоимость. При этом в своей аргументации он уже апеллировал к опыту и задачам социалистического народного хозяйства. Во-первых, считал он, учитывать результаты труда работников лесного хозяйства необходимо потому, что в обратном случае имело бы место преуменьшение как самих результатов труда лесных работников, так и результатов работы отрасли в целом, что недопустимо в условиях, когда партия ставит задачу выпускать как можно больше продукции [3, 16]. Кроме того, по мнению ученого, такой подход к оценке труда лесных работников вообще отрицает лесное хозяйство как отрасль народного хозяйства и рассматривает лес как дар природы (*примеч.*: к тому времени стало уже устоявшимся считать, что лесное хозяйство является самостоятельной отраслью). Во-вторых, он апеллировал к семилетнему плану, где было указано, что в таких не самых лесистых союзных республиках, как Беларусь, основная задача лесхозов заключается как раз в выращивании и сбережении леса. С учетом этого, заключал Ф. Костюкович, считать, что стоимость леса равна нулю – это значит ставить под сомнение целесообразность существования самих лесхозов, и опять же отрасли в целом.

В то же время относительно высокие темпы индустриализации в республике привели к тому, что в середине 50-х гг. потребности в древесине превышали в 1,5 раза возможные размеры собственной рубки. В этих условиях лесозащитники справедливо обращали внимание на то, что существенным дополнительным источником древесины может стать ее экономия. Так, во введении к коллективной монографии, специально посвященной данному вопросу, Г. Гинзбург утверждал, что «как показывает практика, при рациональном использовании древесины на всех стадиях заготовки и переработки, особенно при создании производств по переработке низкосортной древесины

и древесных отходов, можно обеспечить потребности в лесоматериалах при значительно меньших объемах вырубке» [14, 3]. Однако ученые-экономисты сетовали, что к предлагаемым ими источникам и возможностям сокращения потребления древесины, замены ее другими более дешевыми материалами предприятия часто не проявляют интереса [6, 98].

Во второй половине 50-х гг. появились исследования по истории лесного хозяйства в дореволюционный период и даже по истории экономической науки о лесном хозяйстве в Беларуси. Академик В. Переход отмечал, что основные пути торговли белорусским лесом во второй половине XIX в. простирались по Двине в Рижский порт и по Днепру на юг Украины (Кременчуг, Херсон, Николаев) [11, 20]. Например, из Беларуси в Англию и Францию экспортировалась корабельная древесина для строительства флотов этих стран. По мнению ученого, спрос на корабельный лес в то время дал ощутимый толчок для развития лесного хозяйства в белорусском крае. Другой исследователь, Б. Дедерко, подробно рассмотрел особенности торговли лесным товаром в Великом княжестве Литовском в XVII веке [1]. Лесное хозяйство в средневековые времена характеризовалось преимущественной ролью продуктов побочного пользования лесом (пчеловодство, охота, лесные и древесные дары). Спрос на сам лес как древесное сырье стал характерным явлением уже для так называемой эпохи капитализма, поскольку требовался в большом количестве для промышленного производства. По данным В. Перехода, во второй половине XIX в. наиболее дорого расценивался сосновый лес (500 руб. за 1 десятина), затем ясеневый (400 руб.), дубовый (300 руб.) и, наконец, еловый (250 руб.), а остальные породы – еще ниже (150 руб.) [11, 32]. В то время использовалась следующая классификация возрастной структуры деревьев: молодняк (1–60 лет), средневозрастные (61–120 лет), спелые насаждения (121–180 лет). Как отмечал В. Переход, ссылаясь на наблюдения известного статистика Ф. Ястремского, именно из-за вырубki лесов уже к концу XIX в. реки обмелели так, что некогда доступные движению судов Неман, Щара, Буг и другие допускали, и то не всегда, только сплав платов [11, 28].

Выглядит вполне закономерным, что первые сведения об истории развития экономической науки о лесе в Беларуси попытался обобщить один из ее главных основателей академик В. Переход [9, 133]. Он отметил, что первые лесозащитнические исследования в советское время начали проводиться кафедрой лесной экономики, организованной в 1923 г. в г. Минске. Затем, помимо лесных опытных станций, были созданы Лесотехнический

институт и Центр лесного опытного дела, которые со временем были объединены в Белорусский НИИ лесного хозяйства (БелНИИЛХ). Еще позже, при Академии наук БССР, был создан также Институт леса. По подсчетам академика В. Перехода, за 10-летний период существования БелНИИЛХ (1930–1940 гг.) из общего объема работ этого института на долю экономики, организации и учета в лесном хозяйстве приходилось 36,2%, а это свидетельствовало о том, что экономические работы имели в те годы значительный удельный вес [9, 134]. Среди направлений исследований и их представителей, которых он выделил в 30-е гг., были: изучение лесохозяйственных ресурсов Беларуси, исследования в области экономики лесохозяйственного производства, а также в области организации и планирования лесного хозяйства.

Заключение. Таким образом, в 40–50-е гг. XX в. с точки зрения методологии исследований и достигнутых результатов развитие лесной экономической науки распадается на два примерно равных по продолжительности периода. Первый период (1945–1956 гг.) стал продолжением методологической традиции 30-х гг., когда считалось, что взаимосвязь леса с народным хозяйством является важнейшей и определяющей, подчиняющей себе развитие всего лесного хозяйства. В этот период роль лесной экономической науки о лесе в теоретическом плане сводилась лишь к обобщению практики ведения советского социалистического лесного хозяйства, в практическом – к характеристике и классификации белорусских лесов на предмет возможности их использования для нужд индустриализации народного хозяйства всего Советского Союза. Во второй период (1956–1964 гг.) фактически произошел возврат к методологической традиции 20-х гг., когда экономическое учение о лесе, помимо экономики лесоводства, снова стало включать в себя такие дисциплины, как история лесного хозяйства (в том числе дореволюционного), лесная статистика и экономическая география лесов. Многие проблемы, которые поднимали лесоводы-экономисты в своих работах, были впоследствии в той или иной мере решены – это учет затрат на уход за лесом в себестоимости переработанной древесины; соблюдение норм вырубki, руководствуясь состоянием белорусских лесов, а не безграничными потребностями советского производства в лесосырьевых ресурсах; размещение лесохозяйственных производств с учетом экономико-географических факторов, а не на одной только вереве исключительные возможности системы централизованного планирования; экономия лесосырьевых ресурсов и замена древесины более дешевыми материалами вместо позиции

о неисчерпаемости лесов в силу непрерывного роста их производительности в условиях социалистического лесного хозяйства.

Литература

1. Дедерко, Б. Торговля лесным товаром в Литве и Беларуси в XVII в. / Б. Дедерко // Sylwan. – 1962. – № 6. – С. 47–56.
2. Костюкович, Ф. Т. Экономическое содержание доходов лесного хозяйства / Ф. Т. Костюкович // Лесное хозяйство. – 1953. – № 6. – С. 81–82.
3. Костюкович, Ф. Т. О валовой и товарной продукции в лесохозяйственном производстве / Ф. Т. Костюкович // Сб. науч. работ Белорусского лесотехнического института. – 1960. – Вып. 12. – С. 14–21.
4. Леса Белорусской ССР: сб. статей / В. И. Переход [и др.]. – Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1954. – 181 с.
5. Леса БССР и пути повышения их производительности. – Минск, 1955. – 261 с.
6. Маркова, К. Е. К вопросу о лесосырьевых ресурсах БССР и их использовании / К. Е. Маркова // Труды Института экономики. – 1959. – Вып. 2. – С. 86–99.
7. Переход, В. И. Народнохозяйственное учение о лесе: материал к лекции / В. И. Переход. – Минск, 1950. – 36 с.
8. Переход, В. И. Леса Советской Белоруссии / В. И. Переход // Лесное хозяйство. – 1952. – № 2. – С. 44–48.
9. Переход, В. И. Краткий очерк развития лесной экономики / В. И. Переход // Сб. науч. трудов по лесному хозяйству. – 1952. – Вып. 3. – С. 111–139.
10. Переход, В. И. Вопросы экономического учения о лесе / В. И. Переход // Сб. науч. трудов по лесному хозяйству. – 1955. – Вып. 6. – С. 3–17.
11. Переход, В. И. Из истории лесного хозяйства Белоруссии / В. И. Переход // Сб. науч. трудов по лесному хозяйству. – 1956. – Вып. 7. – С. 15–40.
12. Переход, В. И. Экономическая география лесов БССР: очерк / В. И. Переход – Минск, 1958. – 32 с.
13. Переход, В. И. Развитие экономического учения о лесе / В. И. Переход // Сб. науч. работ Белорусского лесотехнического института. Серия «Лесное хозяйство». – 1960. – Вып. 12. – С. 5–13.
14. Экономика использования древесины в народном хозяйстве БССР / Г. А. Гинзбург [и др.]. – Минск: Изд-во АН БССР. – 1964. – 142 с.
15. Юркевич, И. Д. Типы лесов Белорусской ССР: краткий очерк / И. Д. Юркевич. – Минск. – 1948. – 48 с.
16. Янушко, А. Д. Экономика лесного хозяйства / А. Д. Янушко. – Минск, 2004. – 367 с.